

**Дмитрий
Воскресенский**

Запад глазами китайского дипломата

Вряд ли китайский дипломат Чжан Дэи мог предполагать, что судьба в недалёком будущем занесёт его из Англии в Россию (об этом см.: «ВК», №2/2003). Конечно, о России он уже кое-что знал, хотя бы уже потому, что о ней немало говорили в Европе. Лондон, в котором Чжан прожил не один год и где он был уже в четвёртый раз, представлял собой великолепное место для знакомства с обстановкой в самых разных странах, в том числе и в России, во многом таинственной для китайцев, но с которой в эту пору уже начали складываться интенсивные, хотя и далеко не простые отношения. Со своим северным соседом Китай имел связи, торговые и отчасти дипломатические, почитай, уже два столетия.

Китайские дипломаты достаточно внимательно следили (что видно из дневниковых записей самого Чжан Дэи) за событиями Крымской войны, русско-турецкими отношениями на Балканах, действиями России в прилегающих к Китаю районах – Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Информация о России довольно часто присутствовала на первых полосах лондонских газет, российская тема возникала и в острых дебатах в Британском парламенте, что также отмечал Чжан Дэи. Вольно или невольно, он воспроизводил в своём дневнике образцы английской политической пропаганды того времени, не слишком жаловавшей Россию. «В нынешнем году, – пишет Чжан, – между Турцией и Россией возникла распря. Под предлогом оказания помощи единоверцам Россия вознамерилась «проглотить» турецкие земли, дабы беспрепятственно плавать по Чёрному, Средиземному, Красному морям и в Индийском океане».

Некоторые театральные дивертисменты и фарсы, которые видел китайский дипломат на подмостках лондонской сцены и о чём он писал, воспроизводили политические пристрастия английского истеблишмента. Истинные британские эмоции китайскому дипломату, как можно предположить, были понятны. Другое дело, насколько объективно

Дмитрий Николаевич Воскресенский – китаист-литературовед, профессор Литературного института им. А.М. Горького, доцент Института стран Азии и Африки при МГУ, член Союза писателей.

он оценивал их перед своей поездкой в Россию. А отъезд был уже не за горами.

Чжан Дэи встречался с российскими дипломатами на приёмах, участвовал в беседах, касающихся европейских и азиатских дел, правда, пишет он об этом довольно скупо. «Русская тема» у него часто развивается в чисто бытовой плоскости. К примеру, он не раз обращается к русской кухне. По его словам, «русский стол», оказывается, был довольно популярен в частных домах Лондона. Чжан пишет об этом часто, демонстрируя свой неподдельный интерес к гастрономической теме даже в мелких её деталях.

Вероятно, Чжан Дэи был даже рад своему назначению в Россию, и не только потому, что ему предстояло увидеть новую страну, но и из-за чисто карьерных соображений. Он не хотел быть втянутым в посольскую распрю, которая уже назрела и могла кончиться какими-нибудь неприятностями для него. «Скандал двух послов», который произошёл в Лондоне, послужил толчком для смены руководства китайской миссии и назначения новых людей. Дело было в следующем. Китайского посланника в Лондоне Го Сунтао сопровождал его помощник, «второй посол» Лю Сихун – личность не только малосимпатичная, но и прямо-таки неприятная, прежде всего для посла Го, поскольку он выполнял в мис-

Китайский посол в европейских странах Цзэн Цицзэ.

сии роль согладатая. Лю докладывал Цинскому двору обо всех действиях Го Сунтао, о малейших его просчётах (очевидно, и других служащих). Какое-то время Го его терпел, однако, когда Лю начал открыто вмешиваться в посольские дела и давать от своего имени указания, он отправил в Пе-

Дипломат Цзэн в китайском интерьере.

Чжан Дэи.

кин бумагу с требованием замены своего помощника. Маньчжурское правительство довольно быстро отреагировало на взаимные обвинения: Лю Сихуна перевели в Германию, а Го Сунтао оставался до поры до времени в Лондоне. Но уже летом 1878 г. он сам попросил об отставке по болезни.

Тяжёлая обстановка в миссии, очевидно, была одним из серьёзных аргументов в пользу поездки нашего героя в Россию. Вскоре послом в Лондоне был назначен кадровый дипломат Цзэн Цицизэ, который позднее возглавил переговоры в Санкт-Петербурге. А Чжан Дэи тем временем отправился в Россию с полномочным представителем Цинского двора Чун Хоу.

Приезд в Россию

Был канун 1879 г., по китайскому стилю это 12-й месяц 4-го года правления императора Гуансюя. Первые впечатления любого путешественника, пересекавшего зимой границы российской империи того времени: безбрежные пустынные пространства и лютый холод. За сорок лет до описываемых событий, в 1839 г., впоследствии хорошо известный на Западе маркиз де Кюстин писал: «При вступлении в эти убеждённые снегом пустыни вас охватывает поэтический ужас; вы в испуге замираете на пороге зимнего дворца, где живёт время; готовясь приникнуть в это царство холодных иллюзий и блестящих грёз...». Читал ли Чжан Дэи сочинение французского аристократа или воспоминания о России Теофиля Готье и Александра Дюма, его современников, которые были известны не только в Париже, но и

Русский омнибус: зимний вариант. 1880-е гг.

Н.Е. Свечков. Петербург. Пара с пристяжной. 1852.

в Лондоне? Не будем гадать. Несомненно одно: Чжан испытывал похожие чувства перед встречей с незнакомой страной, которая его влекла и одновременно путала своей непохожестью на Европу, которую он достаточно хорошо знал.

«День восьмой *гуйвэй*. Пасмурно и немного снежит. Проехали 3150 ли, в час *сюй* с четвертью (после 7 часов вечера. – Д.В.) достигли российской столицы Санкт-Петербурга. В Германии вдоль дороги поля лежат тучные, дома стоят ровные, аккуратные. Когда въехали в Россию, я увидел повсюду пустыню, запорошенную снегом на целый *чи*. Жители здесь в большинстве своём живут в хижинах (читай – избах. – Д.В.), крытых соломой ... Крутом снег и лёд, а по льду ходят куры. Ближе к городу заметил массивные деревянные строения, среди коих, однако, зданий приличного вида не так уж и много. Одевание местных жителей напоминает платье монголов; белые *курмы* из овчины, на голове войлочные шапки, ноги обуты в кожаные сапоги. Что до здешнего производства, то оно ограничивается лесным хозяйством, поскольку растёт здесь сосна да ель».

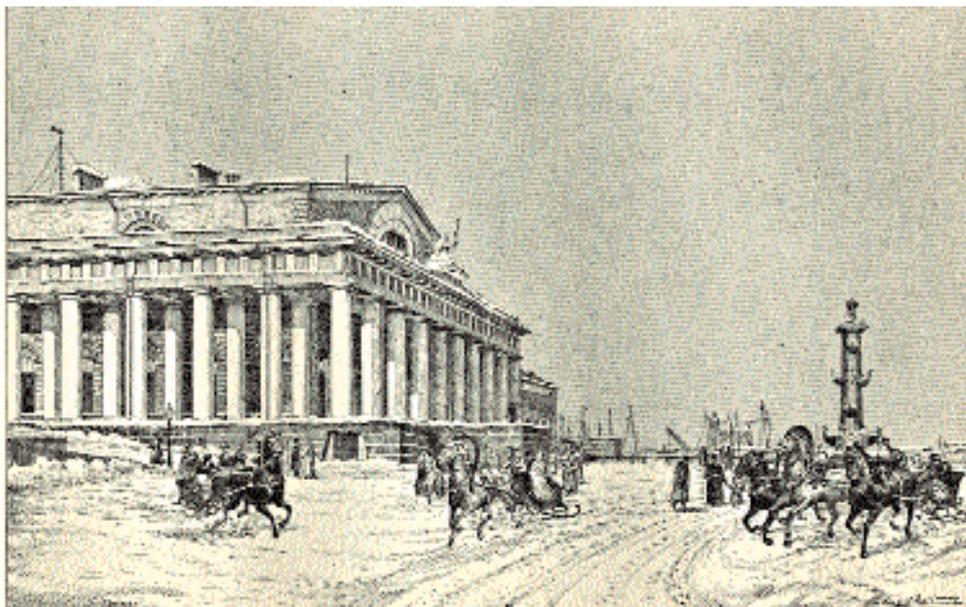
В другом месте дневника Чжан Дэи сначала приводит фрагмент из древней книги «Ханьшу», в которой некий вельможа Хао Цо говорит о северо-западных землях: «В сей местности живут варвары *лу* и *хэ* и царит здесь тьма. Кора у деревьев в три цуня, лёд толщиной в шесть чи». А затем, как бы комментируя, продолжает: «И верно. Исследуя северные края Элосы (России. – Д.В.), можно сказать, что находятся они в холодном поясе, где во все четыре сезона царит

стужа, а тепла мало, потому вода и земля здесь замерзают куда раньше, чем в других местах. Лёд здесь появляется уже в пору осени, а в сезон «хладных рос» холод крепчает. И всё же, думаю я, что в этом царстве мрака лёд не может достигать толщины 6 чи. На севере, то бишь у 74–75 градуса, земли совсем мало, а льда много. Люди здесь спят прямо на льду и даже его едят. Ну а у 78–79 градуса кругом одни льды, которые громоздятся, как горы. От неба до земли – один только лёд!»

Впрочем, китайский дипломат быстро освоился и с климатом Северной столицы и с незнакомыми ему нравами людей.

Китайскую миссию поселили на Михайловской улице в гостинице, «в коей тысяча комнат». Чжан Дэи сразу замечает: «И хотя сложена она из камня, а перекрытия в ней железные, выглядит здание далеко не изысканно». На следующий день по приезде дипломат добавляет: «Здания в российской столице разные, от пяти до семи этажей. Видом своим они напоминают иностранные дома в Сайгоне или Сингапуре. Однако сравнить их с английскими или французскими невозможно. Местные жители, кроме чиновников и крупных торговцев, обличием грубые, по виду невежественные и напоминают собой людей Синьцзяна».

Синьцзян здесь, вероятно, упомянут в связи с предстоящими переговорами об этом районе, сам Чжан вряд ли был знатком этих мест. Гораздо интереснее его визуальные наблюдения не столько о внешнем облике города (хотя и они представляют интерес), сколько об особенностях быта и нравов. Например, как и в Лондоне, его

Биржа. 1880-е гг.

заинтересовали средства передвижения. В 12-й день *динхай* он пишет:

«Дороги в России широкие, везде заледеленые и лежит на них снег толщиной в 8–9 цуней, так что экипажам проехать трудно. А потому делают здесь сани (буквально: «снежные кровати». – **Д.В.**), которые тянут лошади. Сани сбиты из тонких досок, а видом своим они напоминают иероглиф *ва* (знак напоминает квадрат с выемкой сверху – **Д.В.**). Снизу, как слева, так и справа, на них набиты железные пластины в виде иероглифа (знак похож на перевёрнутую букву «П» – **Д.В.**). Кучер находится спереди, а пассажиры (обычно их двое) – позади него. Тянет повозку одна или две лошади, и скачут они весьма шибко. Повозка с одной лошадьё называется сани, а с двумя – *пара* (то есть «пара». – **Д.В.**). Порой впрягают сразу трёх лошадей, и тогда повозка называется *вэйка* (то есть «тройка». – **Д.В.**)».

Зимние сани в России, как и тройка, – не просто вид транспорта, это своего рода и зрительный образ России, поэтому не случайно на них всегда обращали внимание заморские гости. Теофиль Готье незадолго до описываемых событий писал: «Вдруг появились первые сани. Сама зима в извозничьем облачении управляла ими: в красной, бархатной, отороченной мехом шапке и голубом кафтане на бараньем меху. На коленях у извозчика лежала старая медвежья шкура. В ожидании седоков он проезжал по улице, сидя на заднем сидении своих саней и погоняя свою татарскую лошадку, которая почти мела снег длинной

гривой. Никогда со времени моего приезда в Санкт-Петербург я так отчётливо не чувствовал Россию; это было как внезапное озарение, и я понял сразу разные вещи, которые до сих пор оставались для меня непонятными».

Деловитый Чжан Дэи пишет об этом, возможно, не столь возвышенно, но по своему интересно.

«У извозчиков в российской столице одежда отличается от английской или французской. Те, кто служит в богатых домах, обычно носят на голове скошенную шапку из сукна (в китайском тексте буквально: «квадратная шапка из татарской шерсти». Для слова «шапка» Чжан использует термин *фаницзинь* – название головного убора, который носили китайские книжники в эпоху Мин. – **Д.В.**). Она напоминает своим видом иероглиф , если смотреть на неё прямо. На ногах кожаные сапоги, а одет он в кожаный кафтан с узкими рукавами, тёмно-синий или чёрный с фиолетовым отливом. В поясе кафтан собран, однако кушаком не стянут, полы его спускаются книзу, как у платья. Бывает, что извозчик носит на голове небольшую кожаную шапку (очевидно, имеется в виду малахай. – **Д.В.**) с ровным верхом, а его тело облачено в овчинную шубу. На ногах сапоги или войлочные чулки (валенки. – **Д.В.**)».

Чжан Дэи приехал в Петербург в рождественские и новогодние праздники, когда в городе царил особое оживление, которое, конечно привлекло внимание китайского дипломата. Он пишет:

Невский проспект. 1880-е гг.

«Нынче немного метёт. На улицах города продают небольшие сосенки, поскольку в этот день отмечается рождение Иисуса (для китайца сосна более понятна, чем ель. – Д.В.). Чтобы деревце не упало, оно снизу прикреплено к крестовине. На него вешают разноцветные фонарики и всякие вещицы. Покупает такое деревце каждая семья, которая ставит его в доме, а с наступлением вечера на нём зажигают фонарики. После того как они погаснут, несколько юных отроков начинают раздавать подарки. Сей обычай похож на другие страны».

В другом месте своего дневника он приводит новые подробности.

«Согласно российскому календарю 25-е число 12-го месяца отмечается как день рождения Небесного Государя. Все торговые заведения закрыты на три дня. На улицах города множество хмельных людей, пребывающих в радостном расположении духа. Вечером во всех домах царит застолье, слышна музыка и раздаются песни. Горят сосновые ветки, распространяя вокруг благовонные ароматы, В начале часа *сой* в Картинной галерее на Большой Морской устроили детский вечер. Все желающие могут прийти сюда с детьми, заплатив за вход 3 рубля с человека. Кругом множество разных игрушек, выступают циркачи и фокусники. После их выступлений происходила раздача игрушек. В час *цзы*, когда дети уже разошлись по домам, а в помещении ос-

тались одни взрослые, начались танцы, закончившиеся между часом *инь* и *мао* (то есть, в 5–7 часов утра. – Д.В.). В Большом театре происходил бал марионеток (костюмированный бал. – Д.В.), в коем участвовало несколько тысяч человек. Играла музыка. Дамы, облачённые в разные наряды, прикрывали лица масками. Ночью пошёл сильный снег».

Весьма подробно автор описывает и дни Пасхальных торжеств, которые в тот год пришлись на апрель. Интересно, что Чжан сам присутствовал на богослужении в Исаакиевском соборе.

«21 число день *иньчоу*. Завтра день Воскресения Иисуса. В час *хай* (9 часов вечера. – Д.В.) открылись врата храмов, дабы все люди смогли бы услышать священные тексты и восславить день Воскресения Иисуса. На сие зрелище пришли поглядеть служащие иностранных посольств и прочие иностранцы. В начале часа *цзы* я вместе с Цзян Даньжу и другими отправился в Исаакиевский собор. Посредине храма воздвигнут Христов Алтарь, возле которого несколько священников 2-го и 3-го чина читали молитву и совершали молебен. По двум сторонам, слева и справа, на некотором возвышении расположились двести или триста иностранных гостей. Впереди на высоком постаменте покоится Гроб Господень, позади коего горят светильники и ещё двадцать четыре свечи. Тут же с двух сторон стоят отроки-послушники в чёрном одеянии с ши-

рокими рукавами. На груди и спине их одежды вышит золотой нитью некий знак (Чжан изображает ромб с точкой в центре. – **Д.В.**) размером в 5 цуней. Богомольцев в храме не меньше шести тысяч». Пространное описание пасхального богослужения Чжан заканчивает такими словами:

«В эту ночь на всех четырёх углах крыши Храма горели яркие огни, а на витринах многих домов можно было видеть зажжённые фонари, как это было в праздник Нового года. Этот день считается в России большим праздником, а потому ночью все торговые заведения открыты, и никто в эту ночь не спал. Вдоль галерей Храма расставлены столы с угощениями, вином и сладостями. Вокруг них, словно пчёлы, толпятся люди – почитай, их несколько тысяч!»

Вскоре по приезде китайская миссия переехала из гостиницы в небольшой особняк, расположенный на южном берегу Невы.

«Это место называется Английской набережной. Осмотрели дом под номером 68. Здание в два этажа имеет двадцать девять комнат. Внутри нет ни обстановки, ни какой-либо утвари, но чисто. Помещение, конечно, не вполне достаточное, но зато, поднявшись на второй этаж, можно обозревать реку. Куда ни глянь – простор!»

В обустройстве китайских гостей в российской столице и в ознакомлении их с городом им помогали не только официальные учреждения, но и российские Китаеведы. Особенно часто в дневнике встречается имя профессора Санкт-Петербургского университета Д.А. Пещурова (автор везде

Подготовка к Рождеству. 1880-е гг.

употребляет его китайское имя Мэн Ди), который служил в российском консульстве в Китае. Из Китаеведов он упоминает и академика В.П. Васильева (Ван Сили), Скачкова (Кун Цинтин), также живших в Китае.

Каток на Неве. 1889.

Пасхальная ночь. 1889.

У Чжана установился довольно широкий круг знакомств с разными людьми, с которыми он часто виделся, беседовал и гулял. Порой, даже в вечерние часы, он отваживался прохаживаться по городу совсем один, что, наверное, было небезопасно. Однажды он описал такую прогулку в своём дневнике.

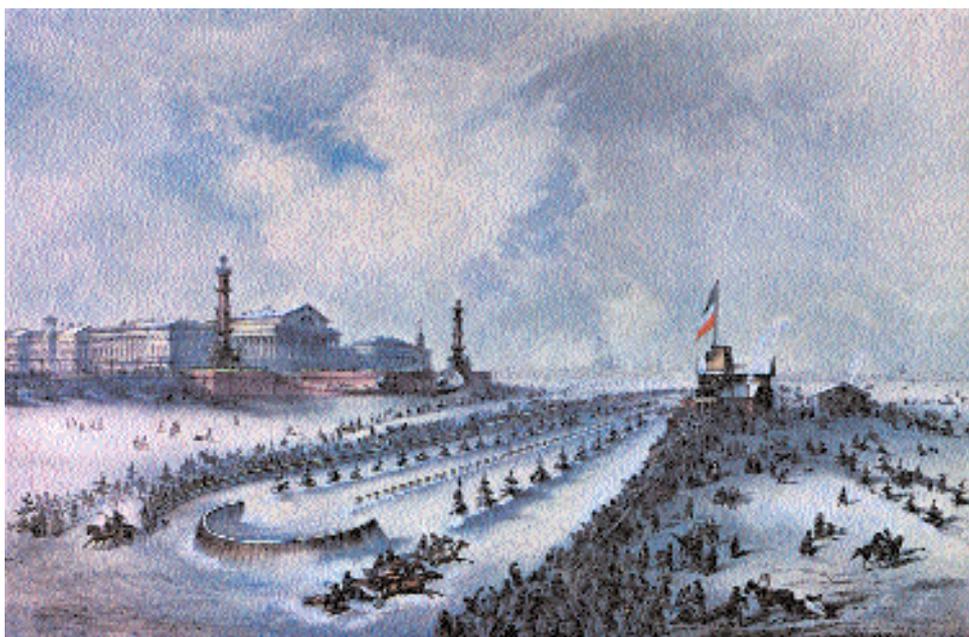
«Пешком я отправился на другой берег реки навестить Б. После короткой беседы с ним вернулся домой. Нева, а здесь она

шириной в три ли, вся покрыта снегом и сияет, словно Млечный путь. В этот вечер я шёл через реку совсем один, и мне казалось, что я будто плыву по реке меж яшмовых теремов и нефритовых дворцов. Удивительная картина!»

Подобных впечатлений становилось всё больше, и Чжан пишет с удовольствием обо всём новом, что ему довелось увидеть.

«Вместе с Гэн Цзифу мы проехали в санях 7-8 ли, направляясь в Юсуповский сад, чтобы посмотреть там ледовые забавы. Сад невелик, всего-то около пяти ли в окружности. Прямо перед городской Дорожной Управой построены мостики и горки, словом, целый пейзаж-шаньшуй. Десять лет назад чиновники управы предложили отделить половину здешней площади для народных гуляний и обратились к богатым торговцам взять землю в аренду. С наступлением зимы вырытый водоём сковывается льдом. В передней части сада устроили места для сидения, соорудили музыкальный павильон. Каждое воскресенье открываются ворота для гостей. С посетителя берут полтинник, за который он здесь может посмотреть разные представления или просто погулять. Каждый четверг до полуночи в саду зажигаются фонари и звучит музыка. В это время с посетителей берут уже по одному целковому. В нынешнее воскресенье в сад пришли более сотни гостей: мужчины и женщины, стар и млад. Люди катались на салазках (автор говорит о «ледяных диванах». – Д.В.), причём один человек толкал их сзади, так что салазки катились очень быстро!»

А.И. Шарлемань. Бег троек на Неве в Петербурге. 1859.

Петербургская масленица. Автолитография В.Ф. Тимма. 1851.

Как и в Лондоне, Чжан обращал большое внимание на разные детали быта, порой сопоставляя их с китайскими.

«Нынче пасмурно. Видел сегодня старых женщин, которые несли на коромыслах какие-то продукты на продажу. Коромысла длиною в пять чи, изогнуты в форме лука. Хотя они и занимают мало места, все же их лучше делать подлинней, чтобы сэкономить силы».

А вот его замечания о здешних женщинах, их внешнем облике и привычках. «Иноземные женщины, согласно своим обычаям, весьма пекутся о тонкой талии. С юных лет они всячески её пеленают, однако же в еде и питье себя не ограничивают, а потому вреда здоровью своему не наносят. В «Книге поздней династии Хань» говорится, что Чуский царь очень любил женщин с тонкой талией, а потому многие из них умерли в его дворце от истощения. Женщина, как известно, существует благодаря пище и если в угоду владыке она сокращает питание, то, утоньшая свою талию, она может просто себя погубить. Или, к примеру, женщины пеленают свои ножки (в старом Китае существовал обычай бинтовать ноги. – Д.В.), так что они делаются совсем крошечными и изящными. Ноги начинают пеленать ещё в детстве, редко бывает, чтобы их пеленали во взрослом возрасте. На мой взгляд, затягивание стана, как и пеленание ног, не более чем искусственное манерничанье».

Интересно, что Чжан Дэи не просто даёт свою оценку, а выступает с позиций прогрессивной китайской интеллигенции. Некоторые «странные» китайские обычаи (вроде бинтования ног) уже тогда стали объектом сатиры и осуждения в публицистических и художественных произведениях Китая, хотя продолжали существовать ещё и в XX в.

Привлекли внимание Чжана «катальные горки» – неперенное украшение россий-

Петербургская молочница. 1880-е гг.

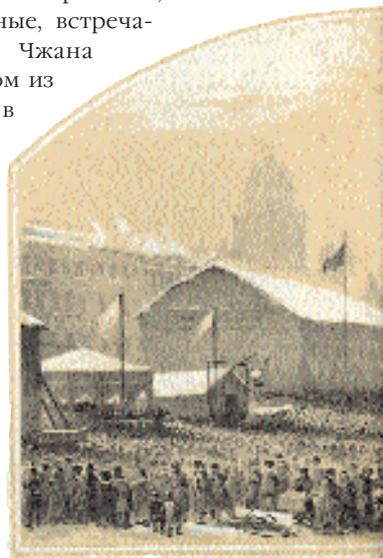

ского зимнего быта, которые были популярны даже у заморских гостей. В Петербурге эту забаву можно было увидеть в разных местах: на Неве, на Фонтанке, недалеко от Смольного перевоза, на Марсовом поле и даже возле Александровской колонны. В один из зимних дней Чжан сделал следующую запись:

«Утром погода ясная, но после полудня пошёл снег. Один англичанин по фамилии К. пригласил нас к себе на ланч, после чего мы в санях поехали в северном направлении, где находится (в 20–30 ли) Каменный остров, как это место называется по-русски. Вдоль дороги вздымались ледяные глыбы, снег лежал, как говорится, на тысячи ли, кругом «серебряные дворцы и нефритовые деревья» — ни единой полоски земли. Между двумя небольшими речками раскинулся парк, разбитый англичанами. Летом здесь люди находят прохладу, а зимой возле небольшого деревянного здания появляются платформы с двумя ледяными горами, устроенными забавы ради, видом своим они схожи с ледяными горками фаворитки Ян гуйфэй. Обе платформы стоят друг против друга, а горки перекрещиваются, образуя знак «X»... Для катания пользуются особыми лежаками из железа шириной в один чи, а длиной в два чи с половиной, высотой примерно в три цуня. Сверху лежаки покрыты ковровым войло-

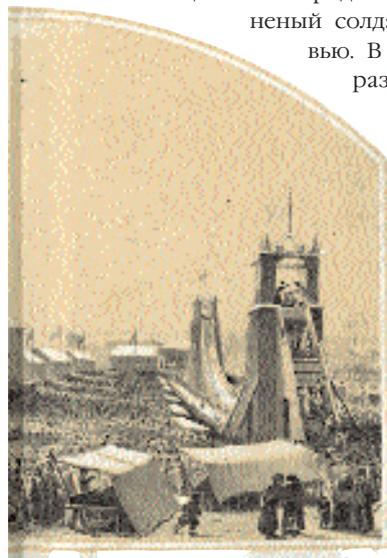
ком. Люди надевают на руки большие кожаные (меховые) рукавицы, как фуляры, а ноги обувают в носки (ноговицы) из толстого войлока. Кто-то стоит, смотря вперёд или назад, а кто-то лежит ничком, обратясь лицом кверху. Так они катятся вниз, летя подобно стреле, а достигнув конца пути, поднимаются на противоположную площадку и возвращаются на прежнее место. Железные салазки и коврики люди приносят с собой и складывают их в деревянном сарае».

Подобные бытовые зарисовки, более или менее подробные, встречаются в дневнике Чжана очень часто. В одном из домов он участвует в игре со штрафами, когда совершившему ошибку приходится встать на колени, прочитать вслух стих, или ему завязывали глаза и кто-то хлопал его по спине, а проштрафившийся должен был определить, кто это сделал, и т.д. Большой интерес вызвала у диплома-

та игра в лото (Чжан называет её *лодо*), он детально описывает правила игры, объясняя назначение карт и «деревянных брусочков, похожих на барабанчики», а также заставок «вроде лепёшек, видом напоминающих стручки вяза». Не прошла мимо него и «комната восковых фигур», только пишет он на сей раз более подробно, чем он это делал в Лондоне. Здесь и полуобнажённая женщина, читающая книгу, «опираясь на подушку нефритовой ручкой», и спорящие о цене вина продавец и покупатель, и раненый солдат, истекающий кровью. В этом музее (своеобразной кунст-камере)

Чжан рассматривает фигуры жертв разнообразных пыток и сами пыточные инструменты: железные лапы с десятью когтями, деревянную доску с железными шипами и т.д. И хотя все фигуры восковые, замечает он, посетителям всё равно не терпится подойти к ним поближе и пощупать руками.

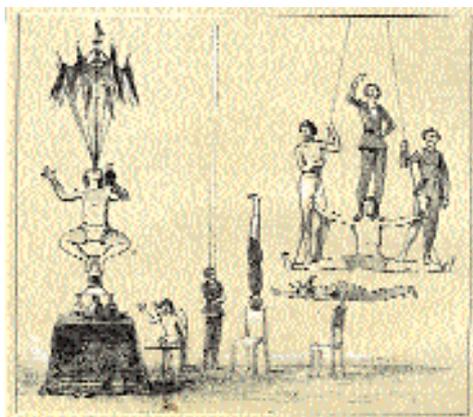
Побывал Чжан Дэи в петербургском цирке, который был весьма популярен в городе. Особенно он заинтересовался цирковыми представлениями, в которых отражался китайский колорит.

«Вместе с послом, а также с Ся Ганем и Чэнь Яньюанем отправился смотреть представление в цирке «Чинисайли» (в транскрипции Чжана это, по-видимому, «Китайский цирк». – Д.В.). Вообще-то оно напоминало прежнее, однако в самом конце была добавлена новая сцена под названием «Китайцы празднуют Новый год». Циркачей более ста человек, и все одеты на китайский манер. И хотя одежда не вполне походит на китайскую, что-то понять всё же можно. Сначала циркачи шли парами с флагами и фонарями, затем они на арене разделились и встали по двум сторонам. Выбежали десять или более отроков в белых полотняных рубахах и голубых штанах. Держась за руки, они вставали друг другу на плечи, сгибаясь в поясе и подняв голову вверх, изображая то слона, то какого-то великана наподобие владыки Чжань Цзюю. Потом четыре циркача подняли вверх матерчатую беседку с фонарями по бокам, в центре коей сидел «человек с чёрной бородой». На нём была соломенная шляпа и атласный балахон с широкими рукавами, расшитый золотистыми цветами. Потом беседку поставили на

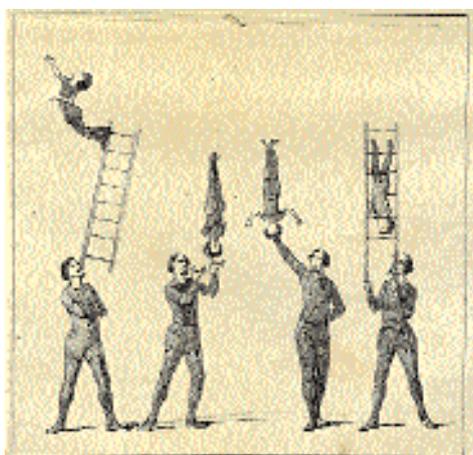
высокую скамью, а вокруг принялись танцевать мальчики и девочки, изображая при этом всевозможные фигуры в виде горок или мостиков. Было сие весьма забавно!»

Впечатления о петербургских театрах

Чжан Дэи был большим поклонником театра и меломаном, эти его качества в полной мере проявились ещё в Лондоне. В этом отношении не явился исключением и Санкт-Петербург, тем более что культурная жизнь в столице переживала пору расцвета. Русскую литературу Чжан, скорее всего, знал плохо, она совсем не упоминается в его дневниках. Но его впечатления об опере, балете весьма любопытны, хотя порой кажутся несколько наивными, что понятно: ведь Чжан исходил из своих чисто китайских эстетических вкусов и представлений. Побывав в Мариинском театре, где в тот день шла опера Глинки «Жизнь за царя», Чжан весьма обстоятельно и довольно правдиво излагает историю, которая «произошла триста лет назад». Вот небольшой фрагмент о Сусанине (Чжан называет его «Сусанянь» или просто «старый Су»).

Цирк в Санкт-Петербурге. Автолитография В.Ф. Тимма. 1852.

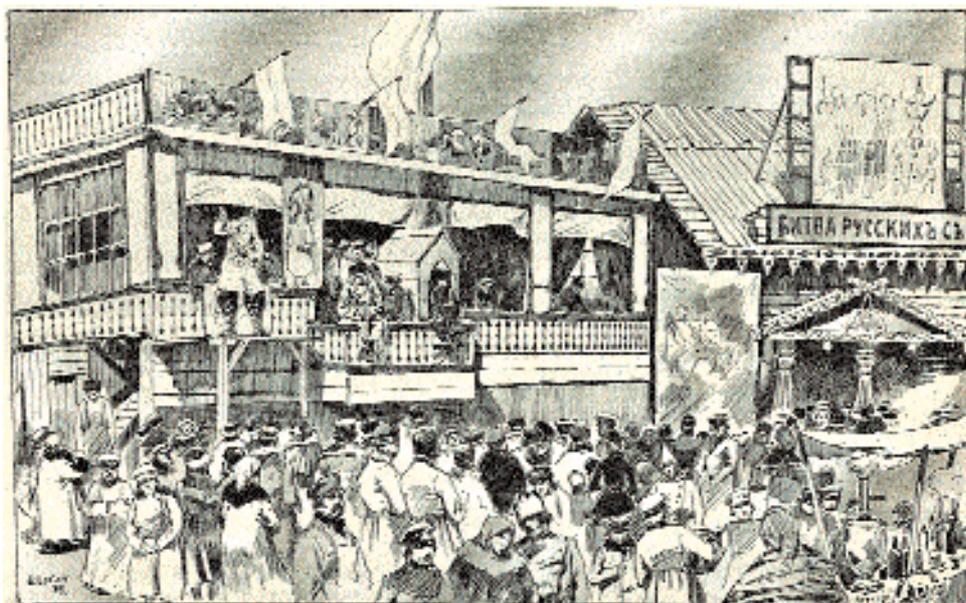
«Су вёл солдат всю ночь и завёл их в глухой лес. Отсюда до того места, где сейчас находился государь, было несколько сотен ли. Солдаты вконец обессилели. Стоял мороз, а тут ещё подул лютый ветер со снегом. Солдаты, взявшись за сабли, принялись допрашивать старика, однако Су, догадываясь о том, что царь уже обо всём знает, и успел скрыться, громко сказал: «Я не знаю, где находится государь, а завёл я вас сюда для того, чтобы затянуть время, дабы он успел скрыться. Рассвирепевшие солдаты его убили».

Финал истории Чжан излагает в чисто китайском стиле: «Через какое-то время царь, осуществив свои планы, присвоил по-смертно Су титул Преданного мужа, а его детям и жениху дал землю и даровал чиновное звание. Имя героя дошло до наших дней».

Любопытно, что Чжан нигде не говорит, что это опера. Для него это своего рода пантомима в стиле китайского традиционного театра «Цзинцзюй» только с богатыми декорациями.

«На сцене в это время появлялись самые разные картины: деревни, широкие поля, дальние леса и реки, высокие кручи, ледяные глыбы, плывущие по воде. Был ветер, а в воздухе летали хлопья снега. А потом небо просветлело и появилась ясная луна. В последней сцене, когда все трое получали награды, артисты выстроились в один ряд, появились кареты, запряжённые конями, замелькали знамёна и флаги, заиграла громкая музыка. Внизу и наверху зрители пришли в движение, тесня друг друга. Людей было несчётное число. Словом зрелище великолепное!»

В другой раз Чжан посетил театральные балаганы возле Зимнего дворца. Он пишет: «Здесь воздвигли пять деревянных балаганов, напоминавших высокие и солидные дома. Позади них крутящееся сооружение с деревянными лошадьми и лодками – когда-то я видал такое в Париже. Всё пространство вокруг заполнено экипажами, стоящими впритык друг к другу, а за порядком здесь следила конная полиция. Мы вошли в один из таких балаганов, который в округности имел сотню чжанов, а высотой семь-восемь чжанов. Спереди, прямо перед сценой располагался оркестр, рядом – шесть кабинок-ложе по 8 чи в квадрате, а в них четыре сидения, цена коих 5 рублей каждое. В зале стояли три ряда стульев по рублю за место. На некотором возвышении были стулья поменьше и цена за место была от 20 до 60 копеек. На самом вершуре (раёк. – Д.В.) места стоячие по 15 копеек с человека. В течение часа давали семь представлений, по окончании публика выходила через южные воро-

Балаган. 1889.

та, а через северные двери в это же время уже входили новые посетители».

Надо сказать, что Чжан Дэи, похоже, не слишком хорошо вникал в содержание пьес или опер, которые ему доводилось смотреть, но пишет он об увиденном с несомненным удовольствием. К примеру, рассказывая о некоей любовной пьесе, в которой один из героев излагает свои планы в песне под гитару, Чжан Дэи приводит её текст, сделанный им в форме классического китайского стиха.

*Его сердце объято волнением,
Но я знаю, что у него на уме.
Добиться своего он не может,
А у меня превосходный план.
Он с препонами в жизни столкнулся,
Я сомнения его разрешу.
Сил, как видно, у него не хватает,
Зато у меня есть острый кинжал!*

Пьеса имела трагический финал.

Александр II и его окружение

Поскольку Чжан Дэи находился в составе официального посольства Маньчжурской империи, неудивительно, что он неоднократно пишет об императоре, его семье, окружении царя и, конечно, о своём присутствии на разного рода официальных и развлекательных мероприятиях. В дневниках он касается и некоторых политических событий, но пишет об этом кратко.

Первые впечатления о царском дворе связаны с днём, когда китайский императорский посланник и сопровождающие его лица были приняты в Зимнем дворце.

«К нам приехали три дворцовые кареты, в одной из которых находился сановник императорского двора Д., начальник Императорского конвоя К. и сановник Управле-

Р.К. Жуковский. Разъезд из Александринского театра. 1843.

ния церемоний (названия должностей и ведомств Чжан даёт на свой лад – Д.В.). Все три кареты о четырёх колёсах и дивно украшены, очень похожи они на экипажи в других странах. В первую карету была впряжена шестёрка лошадей, в остальные – по четыре лошади. Кареты сопровождали девять человек охраны, облачённые в длинные ярко-красные мундиры, обшитые золотой тесьмой. На голове чёрные с позолотой суконные шапки, видом похожие на пельмени. Ровно в час у (11 часов утра. – Д.В.) наш посол Чун Хоу вместе с советниками Шао и Цзяна и другими (всего двенадцать человек, в их числе был и я) все в парадных одеждах, в сопровождении четырёх российских чинов спустились вниз, где у дверей ждали экипажи, в коих мы и разместились. Впереди скакал отряд охраны в чёрном. Сановник двора Н. ехал в первом экипаже, запряжённом четвёркой лошадей, а наш посол вместе с К. сидели один против другого в карете, запряжённой шестёркой лошадей тёмного цвета. Что до советников Шао и Цзяна, а также российских сановников Д. и М., то они разместились в экипаже, запряжённом четвёркой лошадей. На четырёх конях скакали люди из охраны, по два человека стояли на задней ступеньке экипажа. Кареты двигались вдоль набережной Невы в восточном направлении, а через 4–5 ли свернули к югу

возле Иорданского сада и остановились у ворот Зимнего дворца.

Наш посол и сопровождающие лица вышли из экипажей. Солдаты в чёрном остановили своих коней и, сменив военных в красном одеянии, проводили нас внутрь. Мы поднялись по лестнице наверх, где стояли в четыре ряда, слева и справа, солдаты в красных мундирах. Мы прошли около ста ступеней, пока не очутились в боковой зале, где нас встретил вельможа двора князь Голицын, которого сопровождала большая группа высоких чинов. Отведав вина и закусок, мы стали кружить по залам (их было четыре или пять, однако названия их не припомню), а потом, пройдя через белую комнату, мы оказались в огромной зале, которую в просторечии называют Золотой».

Как видно, торжественность предварительной церемонии и великолепие императорского дворца произвели на Чжана глубокое впечатление. В одном из залов Александр принял китайского посла. В китайских официальных документах Чун Хоу был представлен весьма эффектно: «Награждённый двухочковым павлиньим пером и рубиновым шариком первого класса наставник наследника престола *нэйдачэнь*» и т.п. Он зачитал своё выступление и вручил царю официальную грамоту китайского императора.

Приём западных дипломатов в Китае.

М.А. Зичи. Лист из альбома, посвящённого церемонии коронования Императора Александра II. 1858.

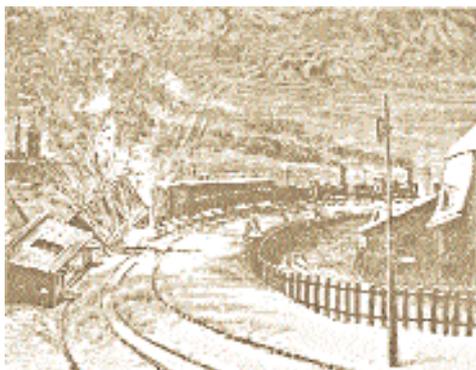
Чжан Дэи бывал на разных официальных торжествах, праздниках и театральных представлениях, на которых присутствовали российский царь и члены его семьи. Так, например, он весьма подробно рассказывает о бракосочетании дочери великого князя Михаила (Чжан называет его *гун* Миша – **Д.В.**) Анастасии и о представлении по этому случаю в театре, которые произвели на дипломата большое впечатление.

«Российский государь вошёл в открытую ложу откуда-то сзади. Тотчас заиграл оркестр, располагавшийся перед сценой. Все присутствующие встали, обратив лица к центральной ложе, и громко прокричали: «Десять тысяч лет здравия!» Посланники разных стран и их жёны отвесили низкий поклон. Российский царь, поклонившись присутствующим, занял своё место. Подле него села государева дочь. Она была в розовом платье без рукавов, приоткрытом на груди. Слева сидел государев зять-*фума*, облачённый в чёрный мундир, на котором сияла звезда, а к поясу был пристёгнут нож (читай: кортик – **Д.В.**). На государе был пурпурный халат (Чжан прибегает к обычному китайскому слову для изображения царского мундира малинового цвета. – **Д.В.**) с нефритовым поясом, расшитым золотой нитью («нефритовый пояс» – атрибут ки-

тайского монарха – **Д.В.**) Позади в два ряда сидели родня царя и крупные сановники двора, а также знатные дамы – всего двадцать с лишним человек. В назначенное время началось представление». Большой поклонник балета, Чжан с особым восторгом пишет о «втором отделении, где показывали танцы».

«Более сотни юных дев в коротких многоцветных одеяниях выстроились в одну линию, а потом стали водить хоровод. Они взлетали вверх подобно ласточкам, подпрыгивали, словно рыбки, порой парили наподобие лебедей или двигались будто драконы. Зрелище было яркое и захватывающее. В час *цзы* представление закончилось. Когда царь со своей свитой поднялся со своего места, все разом встали и трижды воскликнули: «Ваньсуй!» – «Десять тысяч лет здравия!»

Чжан Дэи приехал в Россию в беспокойное время. Страна бурлила после объявленных Александром II реформ и в предчувствии грядущих и непредсказуемых перемен. Многие в стране поддерживали царские начинания, не меньше людей выступало против них. После серии убийств крупных чиновников и покушений на царя начались громкие судебные процессы. Чжан Дэи пройти мимо всех этих событий никак не мог. Он пишет:

Покушения на царя.

Александр II.

«Слышал, что недавно российские люди образовали новую партию с намерением изменить правление в стране, в связи с чем в российской столице вводится должность *тиду* (в Китае так называли высших военных чинов, здесь имеется в виду генерал-полицмейстер или шеф жандармов. – **Д.В.**), отвечающего за полицию в городе, а также охрану императорской семьи, знатных людей и чиновного люда. В прошлом году 4-го дня 8-го месяца по российскому календарю был убит тиду М. (очевидно, имеется в виду Мезенцев. – **Д.В.**). А месяц назад российский царь получил анонимное письмо, в коем говорилось: «Если не убьём тебя, непременно порешим всех крупных чиновников!» И вот вчера, когда нынешний тиду ехал по улице в карете, возле парка у левого крыла дворца вдруг откуда-то появился экипаж, из которого человек метнул бомбу. К счастью, бомба упала рядом с каретой...».

Конечно, для Чжана не прошло незамеченным и покушение на самого царя во время его прогулок. В дневниковых записях он пишет о взрыве в Зимнем дворце, о покушении на царя в «Южной столице» и других попытках убить царя. Подробно описывает он торжественный приезд Александра из Москвы в Санкт-Петербург после совершённого в Москве покушения.

Чжан Дэи знал и о слухах, которые ходили в столице в связи с любовными романами царя.

«Погода ненастная, но тёплая, и снег на крышах домов растаял, на улицах повсюду лужи, обнажились камни мостовых. Рассказывают, что на нашей улице в доме 48 живёт некий высокий сановник, князь Долгорукий, у которого три дочери (на самом деле у князя было две дочери и четверо сыновей, которых царь взял под свою опеку – **Д.В.**). Царь осчастливил своей милостью старшую и среднюю (Чжан допускает неточность. – **Д.В.**), после чего их выдали замуж (слово «осчастливил» употреблялось в старых китайских текстах, когда говорилось об императоре, который посещал свою фаворитку в гареме – **Д.В.**). Однако особенно он любил младшую дочь. В том доме было две двери, от одной из которых у царя был ключ. Возле двери дежурил полицейский, который открывал её, когда появлялся государь. В это самое время императрица лечилась в Италии по причине обострившегося заболевания. Говорят, что именно это и стало причиной произошедшего».

Эту запись Чжан сделал в начале 1880 г., когда связь царя с Екатериной Долгорукой (Катиш, как её нередко называли) продолжалась уже несколько лет. Любовная история была давно известна в дворцовых кру-

Последние месяцы службы в России

Весь 1880 г. прошёл для Чжан Дэи беспокойно и даже тревожно. Объяснялось это довольно нервной обстановкой в китайской миссии в связи со сложными переговорами, которые начались сразу же по приезде цинского посла Чун Хоу. Поначалу Чун Хоу проявлял крайнюю неуступчивость и редкое упрямство, однако постепенно стал склоняться к компромиссу, который предлагала российская сторона. Переговоры, как известно, закончились подписанием Ливадийского договора, содержание которого не устроило Цинский двор. В телеграммах Иностранного ведомства Китая на имя Чун Хоу, говорилось, что он проявил «легкомыслие и опрометчивость» в подписании соглашения и допустил «много промахов». Некоторые современные китайские историки пишут ещё более резко: «Тупой Чун Хоу, совершенно потеряв бдительность, соблазнённый российской стороной, попал таким образом в ловушку, а потому стал перед Цинским правительством всячески приукрашивать агрессивную политику России».

В Китае действия Чун Хоу многие воспринимали как национальный позор и предательство. В октябре 1879 г. он неожиданно (фактически без объяснений) покинул Петербург, оставив вместо себя посланника Шао. В Пекине Чун Хоу отстра-

Портрет
Марии Николаевны
на момент вступления
на престол

Портрет
Марии Николаевны
в Китае,
оформленный
в виде
картинки
с изображением
Царя Александра II

гах, но до слуха китайского дипломата она дошла лишь к концу драматических событий. Что касается убийства царя в марте 1881 г., то этого трагического дня Чжан Дэи уже не застал.

Великая княгиня Мария Николаевна и император Александр II. Автолитография В.Ф. Тимма. 1855.

нили от всех должностей и назначили разбирательство. Его ждала смертная казнь. Цинское правительство в ноте России уведомило, что Чун Хоу превысил свои полномочия, в ответ Россия отозвала из Пекина своего поверенного в делах. Назревал дипломатический и политический скандал.

Разумеется, такая обстановка не могла не отразиться на настроениях, царивших в китайской миссии. Поэтому и записи в дневнике Чжан Дэи становятся менее подробными, все дипломатические перипетии оказались как бы вне внимания китайского дипломата. Впрочем, в начале 1880 г. он пишет об одном из дворцовых приёмов, на котором Китай уже представлял советник (а теперь посол) Шао.

«Посол Шао отправился в Зимний дворец вместе с Цзян Даньжу, Гуй Дунцинем и мною. Поднявшись по лестнице, мы увидели послов разных стран, а также местных сановников, как гражданских, так и военных, стоявших в ряд согласно определённому порядку. Когда царь вошёл в залу, он спросил у посла Шао: «После отъезда императорского посла Чуна вы, мой сын, теперь руководите всеми делами, не так ли?». Шао подтвердил это, а царь продолжал: «Мне хотелось бы наладить дела между нашими двумя государствами, дабы мы всегда жили бы в мире!». Шао ответил согласием».

Шао занимал пост посла до приезда из Лондона опытного дипломата Цзэн Цзицзэ, который был назначен Цинским двором «Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром при дворе Его Величества Императора Всероссийского, снабжённым особыми полномочиями при подписании договора в качестве Чрезвычайного Посла». Новый посол попросил Чжан Дэи остаться с ним в Санкт-Петербурге, на что тот ответил отказом. Вот что он записал в своём дневнике: «Трёхлетний срок моей службы в посольстве подошёл к концу, а посему я подал бумагу о разрешении мне закончить свою работу».

Чжан подробно изложил весь процесс прохождения службы, начиная от толмача до исполнения своих обязанностей в Санкт-Петербурге в более высоком ранге. И закончил своё обращение к начальству просьбой дать согласие. Посол, как он пишет, «милостиво наложил свою резолюцию». Далее Чжан продолжает:

«Я рассчитывал выехать в середине этого месяца, однако, поскольку сослуживцы настоятельно просили меня остаться, моё возвращение в Китай было отложено до 6-го января будущего года».

В начале 1881 г. он покидает Россию и снова оказывается в Лондоне, где ждёт окончательного решения начальства. Из Лондо-

Гуляние на Елагином острове. Автолитография В.Ф. Тимма. 1852.

на он пишет письма в Пекин, на сей раз говоря о серьёзной болезни своего отца. Летом того же года его просьба, наконец-то, была удовлетворена, и он из Марселя отправился в Пекин. В 16-м цзюане его дневников мы видим одну из его последних записей, в которой он описывает встречу с отцом:

«Войдя в дом, я увидел больного отца, сидящего на кровати. Из глаз его лились слёзы, он не мог вымолвить ни единого слова. Я со слезами на глазах преклонил колена. "Неужели ты вернулся, не сон ли это?" – промолвил отец. Объятый скорбью, я смог лишь вымолвить: "Да, это я, ваш сын!". Он тотчас перестал плакать и, положив руку на моё плечо, улыбнулся. Я встал с колен и подробно поведал ему обо всём, что со мной произошло. Сейчас все члены семьи были в сборе, испытывая при этом чувство радости и некоей печали. Я вспоминаю сейчас свои скитания по морям. Четыре года пролетели, будто во сне!»

P.S. Цинский сановник Чун Хоу, вызвавший поначалу негодование маньчжурского двора за свои просчёты в пере-

говорах с Россией, отделался сравнительно легко (не без поддержки влиятельных лиц, в том числе всесильного Ли Хунчжана и самой Цыси). С него фактически сняли все обвинения, а в 1884 г. по случаю юбилея Цыси вернули награды и пожаловали огромную пенсию в 300 тысяч лянгов. Умер он в 1893 году. Посол в Санкт-Петербурге и Лондоне Цзэн Цзицзэ за умелое ведение дел в России получил высокое звание – *юйши* (старший вице-президент Цензората). Он продолжал вести российские дела, совмещая их с работой в Лондоне и Париже. Что до героя нашего рассказа Чжан Дэи, то он, как уже говорилось, какое-то время был наставником императора Гуансюя, а потом не без успеха продвигался дальше по дипломатической лестнице. Скончался он после Синьхайской революции, то есть после падения Маньчжурской династии, – в 1918 г.

Перевод китайских текстов выполнен автором статьи по книге «Лицом к миру» (Цзоу сян шицзе) – Чанша, 1987. – Т. 7.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книг:

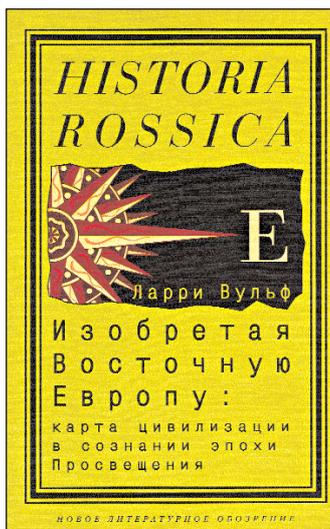
Готье Т. Путешествие в Россию. – М., 1988. РГБ: 2 90-28/124-6;

Vasili P. La Sainte Russe. – Paris, 1890. РГБ: W 111/17;

а также из Русского художественного листка В.Ф. Тимма. – СПб., 1851, 1852. РГБ: J 12/5; N 62/43;

и иллюстрированной газеты «Дяньшичжай хуабао». – Шанхай, 1885.

Эта книга — не о Восточной Европе. Само название подчёркивает, что Восточная Европа здесь прежде всего объект целого набора интеллектуальных операций, совершаемых западноевропейским Просвещением.

Изобретение Восточной Европы было переломным моментом в интеллектуальной истории: если Ренессанс считал основополагающим разделение Европы на север и юг, то Просвещение сочло более важным разделение континента на запад и восток. Прежде чем появиться на карте, Восточная Европа родилась в головах просветителей.

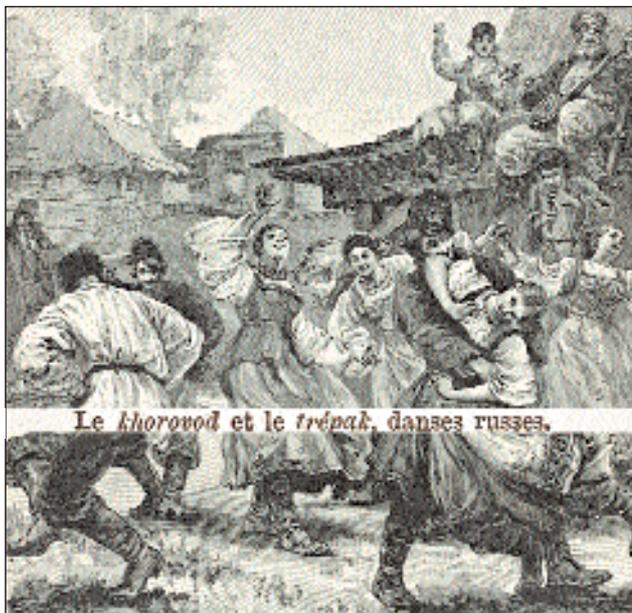
В центре процесса была формирующая концепция «цивилизации», ставшая самой важной точкой отсчёта, позволявшей приписать Восточной Европе подчёркнутую подчинённость и дополнительность по отношению к Европе Западной.

Изобретая Восточную Европу, Просвещение, несомненно, создало культурный контекст для амбициозных проектов порабощения, осуществлявшихся и в XVIII веке, и позднее.

Покров иллюзии стал «железным занавесом»; оставить за ним Восточную Европу стало возможным лишь потому, что она давным-давно была нарисована в воображении Европы Западной, открыта, присвоена и отставлена ею в сторону.

Ларри Вульф

Козырная карта цивилизации, или Третий совет Дидро

Карта цивилизации замышлялась как карта ГОЭЛРО: чем больше лампочек, тем больше просвещения. Ход Истории, подобно ходу часов, был исчисляем с неминуемой точностью. Торжество Разума наступало под предвосхитительным лозунгом: светская власть плюс просвещение всей страны! Мешали мелочи: народ с извечным «тута вам не европы», да власть, поедающая все плоды Просвещения на корню. Советчик Дидро полагался на положительную силу примера — швейцарские образчики казались ему наилучшими... Но в России образцовым мог быть только швейцар — обслуживая тех, кто внутри, и не пуская тех, кто снаружи. Третий совет Дидро, как сон Веры Павловны, оказался несбыточным. «Я не вино русских в том, что они таковы, каковы они есть, я осуждаю в них притязания казаться такими же, как мы», — эти слова маркиза де Кюстина похожи на приговор, который одна часть просвещённой Европы — Западная, вынесла другой своей просвещённой части — Восточной. Ей было отказано в притязаниях даже не быть, а казаться... Тем не менее именно эти притязания быть Настоящими Европейцами и составляли с XVIII века ту особую складку менталитета образованной части общества Восточной Европы. «Россия есть европейская держава», — объявила в своём «Наказе» Екатерина, «Мы — европейцы», — повторил Горбачёв в своей книге «Перестройка». Трёхсотлетие этих притязаний мы и отмечаем сейчас в Санкт-Петербурге. Эпоха Просвещения по количеству мифов, ею порождённых, не уступает архаическим культурам, но, в отличие от архаических, мифы просвещённые живы и по сей день. Козырная карта «цивилизованности» до сих пор бьёт любую масть.

И.Робадовский

P.S. «Третий совет Дидро — после перемещения столицы и основания образцового уезда — основать в России швейцарскую колонию. Вольтер в переписке с Екатериной постоянно обращался к похожей фантазии, намереваясь основать поселение часовщиков в Астрахани или Азове»